

DOI: 10.33184/dokbsu-2026.2.3

Ирония как средство выражения субъективной оценки в медиадискурсе

Д. С. Долгополова*, Л. А. Киселева

*Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королева*

Россия, Самарская область, 443086 г. Самара, Московское шоссе, 34.

**Email: dsd218@yandex.ru*

В статье комплексно анализируются основные семантические и коммуникативно-прагматические характеристики языковых средств выражения авторской иронии в современном медиадискурсе. Материалом исследования послужили статьи, размещенные на интернет-ресурсах Газета.Ru и Lenta.ru в 2025–2026 гг. Результаты исследования показывают, что наиболее продуктивными языковыми средствами, представляющими авторскую иронию в современном медиадискурсе, являются языковая игра, трансформация библеизмов, использование тропов и фигур речи, фразеологизмов. Эти средства позволяют наиболее полно и точно выразить личную точку зрения, но сделать это завуалированно, косвенно, не осуществляя прямую критику понятий и явлений.

Ключевые слова: медиадискурс, ирония, оценка, семантика, прагматика.

В последние годы в центре внимания лингвистов все чаще находится ирония как специфический прием выражения субъективной авторской точки зрения, при этом исследователи предлагают различные дефиниции данного понятия. Так, В. М. Пивоев приводит наиболее распространенные определения иронии: «Отрицание или осмеяние, притворно облакаемое в форму согласия или одобрения; выражение насмешки посредством иносказания, когда слово в контексте обретает противоположный смысл; вид комического, смех под маской серьезности, скрывающей чувство превосходства или скепсиса» [5]. Однако ученый отмечает, что в «обыденном сознании наиболее распространено такое представление, когда под иронией понимают язвительную интонацию высказывания, которую нередко отождествляют с насмешкой, скрытой издевкой, или видят в ней просто шутливость, смех под маской притворной серьезности» [5]. Как справедливо полагает Н. Д. Арутюнова, «смеются над тем, что принимают за глупость, нелепость, абсурд и т.п.» [1].

По мнению исследователей, «при использовании комических средств происходит сознательное столкновение значений, приводящее к наслоению и переплетению разных планов семантического уровня» [2]. Именно поэтому ирония как особый риторический

и психологический инструмент активно используется в различных видах дискурса, однако прежде всего необходимо назвать медиадискурс, в рамках которого ирония нередко становится ведущим средством выражения субъективной оценки. Как отмечает И. А. Соболева, «современный иронический тип медиаповествования – многогранный, неоднозначный процесс. Это и способ личностного отстранения, дистанцирования от реальности, когда ирония современного медиадискурса выражает насмешку, лукавство, ставит под сомнение объективность сказанного, но гораздо в меньшей мере выражает критическое или осуждающее отношение к изображаемому» [6]. Таким образом, происходит «перенесение смыслового фокуса, взаимодействие в медиаполе иронической, развлекательной составляющей с компонентом чувствительности» [3]. По мнению И. А. Соболевой, через употребление иронических высказываний реализуется и «манипулятивно-воздействующая стратегия». Поэтому иронический медиадискурс является манипулятивной структурой [6].

Таким образом, использование иронии – неотъемлемая составляющая современного медиадискурса, служащая для достижения целого ряда прагматических целей: от привлечения внимания аудитории до выражения критической оценки. Именно этим обусловлена актуальность настоящего исследования, цель которого – выявление основных семантических и коммуникативно-прагматических характеристик языковых средств выражения авторской иронии в современном медиадискурсе. Материалом исследования послужили статьи, размещенные на интернет-ресурсах Газета.Ru и Lenta.ru в 2025–2026 гг. Общий объем проанализированного материала – 270 языковых единиц.

Рассмотрим средства, при помощи которых выражается авторская ирония в современном медиадискурсе. Прежде всего обратимся к примерам из статьи, посвященной выходу фильма «Простоквашино» режиссера Сарика Андреасяна:

«Примечательно, что главным образом в этом направлении усердствуют новобранцы вселенной – жена режиссера Моряк и муза режиссера Прилучный».

Фраза «Муза режиссера Прилучный» – пример каламбура: в сознании носителя русского языка «муза» традиционно осознается как существо женского, а не мужского пола. К тому же иронический эффект достигается за счет антитезы: жена режиссера, которая, по обыкновению, и должна быть той самой музой, вытесняется фигурой российского актера Павла Прилучного, которого автор цитаты позиционирует как «главный источник вдохновения» кинорежиссера.

Автор статьи неоднократно обращается к такому приему языковой игры, как трансформация прецедентных высказываний:

«На самом деле в какой-то момент удивление перестала вызывать вообще вся деятельность братьев Андреасян. Стало ясно: можно сколько угодно повторять, что неправильно ты, дядя Сарик, кино снимаешь, однако это уже не имеет никакого значения. Студия взяла индустрию измором и уже никуда не денется».

Так, прецедентное имя *Дядя Федор* и прецедентное высказывание *«Неправильно ты, Дядя Федор, бутерброд ешь»* трансформируются: имя героя мультфильма заменяется именем режиссера, а ситуацию приема пищи замещает процесс съемки кино.

К тому же автор употребляет фразеологизм *взять измором*, который наделяет семантикой *«добиться популярности нечестными методами»*.

Высказывание *«Он сам по себе мальчик. Свой собственный. А в поликлинику для опытов сдадут скорее нас»* также является трансформацией известной фразы из советского мультфильма. Вторая часть цитаты транслирует мнение автора о том, что *«адекватный»* человек такие фильмы не сможет смотреть из-за их абсурдности.

Довольно интересным средством языковой репрезентации авторской иронии в медиасдискурсе является трансформация библеизмов:

«Если вы думаете, что в середине учебного года главной проблемой Минпросвещения является полноценная подготовка к ОГЭ и ЕГЭ – а эти всадники ученического Апокалипсиса уже приближаются – то зря вы так хорошо думаете».

Для создания иронического эффекта привлекается библейский образ всадников апокалипсиса, символизирующих экзамены, которые предстоит сдавать современным школьникам. Экзамены, таким образом, предстают чем-то непосильно сложным, страшным, катастрофическим.

«Я как мама трижды перекрестилась, что мои дети уже окончили школу и поступили в вуз».

Христианский образ троеперстия приобретает неузуальную семантику *«вздохнуть с облегчением, порадоваться»*.

«Пути лоха неисповедимы. И это я сейчас про себя, конечно. По совету подруги я пошла к „кофейной фее“, а проще говоря – к женщине, которая по гуще от выпитого кофе может рассказать про прошлое, настоящее и будущее».

Библейское крылатое выражение *«неисповедимы пути Господни»* означает непредсказуемость судьбы, фатум. При добавлении сниженной лексемы *лох* высказывание приобретает семантику невозможности предугадать глупое действие, которое совершит наивный человек.

Некоторые иронические высказывания конструируются при помощи антитезы:

«Встречали мужичков, которые готовы на хлебе с водой сидеть, работать без оформления или числиться церковным сторожем на общественных началах, лишь бы бывшая лишняя куска на их деньги не съела. Они уверены, что бедная женщина, оставшаяся с ребенком в съемной квартире или тянущая ипотеку, на их ежемесячные 6 тыс. объедается крабами».

В приведенной цитате «бедная женщина, тянущая ипотеку», которая символизирует бедность и прижимистость, противопоставляется «объеданию крабами», соотносящемуся с хорошим достатком, богатством. Причем представляется очевидной абсурдность описанной ситуации: объедаться крабами на объективно небольшую сумму, 6 тысяч рублей, невозможно. Дополнительный иронический оттенок высказывание приобретает за счет употребления фразеологизмов, имеющих яркую образность: *сидеть на хлебе с водой* и *съесть лишняя кусок*.

Приведем еще один пример антитезы как средства выражения авторской оценки с помощью иронии:

«Тяжело конечно, было расти в таких жестких условиях, бедный парень, посочувствуем ему, потому что у него было с самого рождения практически все, о чем другие могут только мечтать».

В данном высказывании противопоставляются бедность и богатство («<...> у него было с самого рождения практически все, о чем другие могут только мечтать»), к тому же отмечается искажение узальной семантики слов. Именно поэтому определение *бедный* не вызывает у читателя никакой жалости к объекту оценки: мы сразу понимаем, что «*жесткие условия*» на самом деле вполне комфортны и благоприятны, а фраза «*посочувствуем ему*» порождает только раздражение и презрение.

В некоторых случаях в медиатекстах для выражения авторской иронии используются тропы:

«Страдающим аллергией на иностранные термины поясню ...».

Данная метафора построена на переносе процесса заболевания – аллергической реакции – на сферу ощущений и эмоций: неприятие иностранных терминов, которое порождает раздражение, сопоставимое с аллергией – своеобразной «реакцией на раздражителя».

Приведем еще один пример:

«Именно они, по моим наблюдениям, внушают мужичонке, что бывшая шикует на его копейки, кутается в меха и потеряла счет хахалям, которые, ясно-понятно, тоже живут на резиновые 6 тысяч».

Метафора «*резиновые 6 тысяч*» построена на скрытом сопоставлении малой суммы денег, которая очень быстро закончится, и чего-либо сильно тянущегося, безразмерного, бесконечного.

В качестве средства выражения субъективной оценки посредством иронии в медиадискурсе нередко используются сравнения, например:

«Но, кажется, ребята томятся и вздыхают, приговаривая, что все тлен, банально потому что могут. Жизнь, в общем, и не заставляет их шевелиться. Им и так тепло и сухо, как в рекламе подгузников».

Иронизирование над ленивыми и безответственными подростками транслируется при помощи сравнительного оборота «*тепло и сухо, как в рекламе подгузников*». Данный образ отсылает нас к изображению удовлетворенного и безмятежного ребенка в привычных рекламных видеороликах.

«Президент США целый год создавал иллюзию бурной деятельности – подобно пулемету вбрасывал в публичное поле один “мега-гига-проект” за другим».

В приведенном высказывании ирония также передана при помощи сравнения: президент США описывается как «*подобный пулемету*» – подчеркивается высокая активность политика в инфополе, его бойкость, энергичность и предприимчивость.

«Ирину пытались убедить, что она баловень судьбы, родившийся не то что с серебряной ложкой, а с золотым набором столовых приборов в подарочной упаковке».

В данном высказывании иронический смысл выражается за счет гиперболизации значения фразеологизма *с серебряной ложкой во рту*, который обозначает высокий достаток, богатство, благополучие. Автор цитаты, используя фразу «*родиться с золотым набором столовых приборов в подарочной упаковке*», подчеркивает предельную степень обеспеченности, материального изобилия.

Таким образом, в современном медиадискурсе наиболее продуктивными языковыми средствами, репрезентирующими субъективную авторскую оценку посредством иронии, выступают языковая игра, трансформация библеизмов, использование тропов и фигур речи. Частотным также является и употребление фразеологизмов. Использование этих средств позволяет наиболее полно и точно выразить личную точку зрения, но сделать это завуалированно, косвенно, не осуществляя прямую критику понятий и явлений. При помощи упомянутых языковых средств реализуется и кодирующая функция: смысл высказывания поймет только «свой», для «чужих» он останется затемненным. Авторская ирония отражает направленность современного медиадискурса на открытое, демонстративное выражение эмоций, оценок, индивидуальной точки

зрения [4]. В современных медиатекстах ирония, безусловно, выполняет не только коммуникативную, прагматическую, но и оценочную, эмотивную и кодирующую функции.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Эстетический и антиэстетический аспекты комизма // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М.: Индрик, 2007. С. 5–17.
2. Воробьева К. А. Специфика иронии среди других языковых средств комизма // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007. С. 201–207.
3. Гладко М. А. Лингвистическая репрезентация «новой искренности» и чувствительности в медиапространстве // Terra Linguistica. 2022. №4. С. 7–21.
4. Киселева Л. А. Эмотивный аспект современного медиатекста: основные параметры. В сб.: Язык культуры и культура языка: Сб. статей II Междунар. научной конференции, Сургут, 21–22 ноября 2024 г. Сургут: Сургутский гос. пед. ун-т, 2025. С. 80–81.
5. Пивоев В. М. Ирония как феномен культуры. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2000. С. 106.
6. Соболева И. А. Функциональный потенциал иронии в современном медиадискурсе // Дискурс-Пи. 2018. №3–4. С. 44–49.

Irony as a means of expressing subjective assessment in media discourse

D. S. Dolgopolova*, L. A. Kiseleva

*Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev
34 Moskovskoye Shosse, 443086 Samara, Samara Region, Russia.*

**Email: dsd218@yandex.ru, kiseleva.la@ssau.ru*

This article comprehensively analyzes the main semantic and communicative-pragmatic characteristics of linguistic means of expressing authorial irony in contemporary media discourse. The study draws on articles published on the online resources Gazeta.Ru and Lenta.ru in 2025–2026. The results demonstrate that the most productive linguistic means of representing authorial irony in contemporary media discourse include word-play, the transformation of biblical expressions, the use of tropes and figures of speech, and phraseological units. These means allow for the most complete and accurate expression of a personal point of view, but in a veiled, indirect manner, without directly criticizing concepts and phenomena.

Keywords: media discourse, irony, evaluation, semantics, pragmatics.